

XX–XXI вв.». Этот сравнительный анализ был направлен на достижение двойной цели – выявление общего и выделение особого в каждом произведении. Отметим, что невозможно осуществить всесторонний анализ обоих художественных текстов, поэтому студенты должны сосредоточить свое внимание на идейно-эстетически значимых аспектах произведений. Отправной точкой может стать тот факт, что к личности В. Дрозда и его романа «Листья земли» они уже обращались в процессе освоения предыдущего курса истории украинской литературы, поэтому они фактически должны актуализировать свои знания, провести параллели с повестью С. Алексиевич. При подготовке к занятию рекомендуем магистрантам обратить внимание на следующие аспекты: особенности работы обоих писателей над литературными текстами; их творческий замысел; источники произведений; их композиция; жанровое своеобразие; общность и различие в проблематике.

Применение сравнительного анализа в профессиональной подготовке будущих филологов позволит углубить их знания о литературном процессе второй половины XX в., поможет осознанию ими закономерностей исторического развития, раскрытию отдельных аспектов предложенных произведений, а следовательно, будет способствовать повышению эффективности профессионального образования.

Литература

1. Алексиевич, С. Чернобыльская молитва (хроника будущего) / С. Алексиевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.alexievich.org>. – Дата доступа: 20.06.2016
2. Гундорова, Т.І. Післячорнобильська бібліотека: український літературний постмодерн / Т.І. Гундорова. – К. : Критика, 2005. – 263 с.
3. Дрозд, В. Г. Листя землі : роман / В. Дрозд. – К.: Укр. письменник, 1992. – 559 с.
4. Наукові основи методики літератури: посібник для студ. вузів / Н.Й. Волошина, О.М. Бандура, О.А. Гальонка та ін. ; під ред. Н.Й. Волошиної. – К.: Ленвіт, 2002. – 344 с.

Никитина Н.Е.

*Белорусский государственный педагогический университет
им. М. Танка, Минск*

РЕАЛИЗАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ПРИ АВТОРСКОМ ПЕРЕВОДЕ С БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Задача любого переводчика состоит в создании такого текста на переводном языке (ПЯ), который будет максимально передавать идею,

заложенную автором в оригинале. Следовательно, определяющим в переводческой деятельности является принцип эквивалентности, а его соблюдению способствуют различные виды трансформаций.

Существенный пласт изменений представляют собой грамматические замены, подразумевающие «не просто употребление в переводе форм ПЯ, а отказ от использования форм ПЯ, аналогичных исходным, замену таких форм на иные, отличающиеся от них по выражаемому содержанию (грамматическому значению)» [3].

Особый интерес представляет изучение трансформации грамматических категорий, поскольку в их структуре изначально заложена оппозиция. Объектом исследования в данной статье выступает грамматическая категория числа имени существительного, которая, по мнению В.В. Виноградова, «представляет сложный предметно-смысловой узел, в котором сплетаются разнообразные грамматические и лексико-семантические особенности существительных» [1].

Проблемам функционирования категории числа в различных языках, в том числе и при переводе, посвящены работы В.И. Дегтярева, В.В. Акуленко, Э.Х. Хабибуллиной, Д.В. Володиной, Е.В. Телегиной, Ю.В. Мишановой, А. Бранднера и др. лингвистов. Однако до настоящего времени не предпринимались попытки систематизации изменений грамматической категории числа при переводе с близкородственных языков. На наш взгляд, наиболее информативными в данном отношении могут стать авторские переводы (АП), поскольку автор, переводящий собственное произведение, обладает большей свободой для формальных трансформаций, чем профессиональный переводчик.

Анализ 184 случаев изменения грамматической категории числа имени существительного при АП на русский язык белорусскоязычных произведений В. Быкова «Сотников», В. Козько «Судный день» («Суд у Слабадзе») и И. Мележа «Минское направление» позволил выявить определенные закономерности.

Русский и белорусский языки в силу общности происхождения обладают сходными системами грамматических категорий. Так, категория числа в обоих языках представлена семами единичности и множественности. Противопоставление данных сем при переводе демонстрирует преобладание перехода имен существительных из единственного числа во множественное – 114 случаев, обратная трансформация наблюдается в 70 случаях. Видимо, это объясняется желанием авторов-переводчиков усилить смысловую конкретику своих произведений, так как в русском языке формам множественного числа

свойственно выражение количественных отношений, а формам единственного числа – номинативная функция [2, с. 10].

Абсолютное большинство (136) составляют примеры, в которых оба языковых эквивалента могут иметь соотносительную пару по числу: *скарб* (*скарбы*) – ‘сокровища (сокровище)’, *світанне* (*світання*) – ‘рассветы (рассвет)’, *мікстура* (*мікстуры*) – ‘микстуры (микстура)’, *кусіці* (*кусіцік*) – ‘кустарник (кустарники)’, *спадзяванні* (*спадзяванне*) – ‘надежда (надежды)’.

В 48 парах эквивалентов присутствуют имена существительные анумеральной семантики [5, с. 64] (собираательные, вещественные, отвлеченные), а также слова категорий *singularia tantum* и *pluralia tantum*, не изменяемые по числам, но выступающие в определенном числе.

Наблюдения показали, что в данной группе трансформации чаще всего подвергаются собираательные существительные, употребляющиеся только в единственном числе (21 случай): *пер’е* – ‘перья’, *дзятва* – ‘дети’, *радня* – ‘родственники’, *каменне* – ‘камни’, *карэнне* – ‘корни’ и др. Налицо стремление авторов-переводчиков избежать «грамматического парадокса» [4], при котором семантика множественности выражается формой единственного числа.

Изменение отвлеченных имен существительных представлена в 10 случаях и, как правило, сопровождается не просто конкретизацией, а полным изменением лексического значения слова. Например, лексема «*павага*» (‘пачуццё пачціваці да каго-, чаго-н., выкліканае прызнаннем высокіх якасцей, заслуг, важнасці і пад.’) заменена словом «*симпатии*» (‘влечение, внутреннее расположение к кому-, чему-н.’).

Трансформация категории числа конкретных существительных объясняется лексико-семантическими различиями белорусского и русского языков, при которых один из эквивалентов является носителем лишь семы множественности, а второй – обеих сем (9 пар): *тронкі* – ‘черенок’, *дзверы* – ‘дверь’, *грудзі* – ‘грудь’ и др.

Изменение вещественных имен существительных (5 случаев) обусловлено грамматическими особенностями эквивалентов, один из которых наделен лишь семой единичности, а второй – семой множественности: *каноплі* – ‘конопля’, *чарніла* – ‘чернила’ и др.

Таким образом, исследование закономерностей трансформации грамматической категории числа имени существительного при АП с белорусского языка на русский позволяет составить представление о взаимодействии близкородственных языков в процессе перевода. Преобладание форм множественного числа в переводных текстах

свидетельствует об их большей смысловой конкретизации. Трансформация слов анумеральной семантики часто обусловлена лексико-семантическими и грамматическими особенностями эквивалентов в обоих языках.

Литература

1. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие / В.В. Виноградов; отв. ред. Г.А. Золотова. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
2. Дегтярев, В.И. Категория числа в славянских языках: ист.-семант. исслед. / В.И. Дегтярев; отв. ред. Ф.П. Филин. – Ростов н/Д: Изд-во Рост.ун-та, 1982. – 320 с.
3. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Реформатский, А.А. Лингвистика и поэтика / А.А. Реформатский. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
5. Телегина, Е.В. Основные особенности грамматической категории числа в русском и английском языках / Е.В. Телегина // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 6. – С. 62-65.

Пантелеева И.А.

*Поволжский государственный технологический университет,
Йошкар-Ола*

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ: «ДЕКЛАМАЦИЯ»

Дискурс античного мира отличается своей полисемантической и базируется на смыслообразующей триаде «красноречие – риторика – декламация». Само по себе понятие «декламация» (от лат. *declamatio* ‘представлять, декламировать’) зародилось в Древнем Риме, где ораторское искусство, унаследованное у греков, считалось одним из самых почетных и уважаемых и обозначало упражнение в красноречии. В греческом языке существовало слово *ὑποκρίσις* для обозначения непосредственной декламации, в большей степени связанной с театральным перформансом. Но для передачи смысла понятия «декламация» в ораторской практике встречаются два термина *χαταλογία* и *παραχαταλογία*. Делая акцент на различии между *χαταλογία* и *παραχαταλογία*, Варнеке пишет: «Крист приравнивает *χαταλογία* к декламации, лишенной всякого музыкального аккомпанемента <...>, а под *παραχαταλογία* понимает декламацию, сопутствуемую струнным аккомпанементом <...>, т. е. по нашему мелодекламацию» [64, с. 7]. А.Ф. Лосев также связывает декламацию с музыкой: «Музыка только подчеркивает содержащиеся в самой поэзии мелодические